

Политический идеал и политический режим в постсоветской России

Не Путин создал авторитарный режим в России,
а постсоветская политическая культура и неудачные реформы
привели к власти Путина с его программой

Александр Лукин.....

В мае 2008 года закончилась эпоха Владимира Путина или, по крайней мере, ее первая, президентская часть. В отличие от своих предшественников, которые были крайне популярны в начале правления и крайне непопулярны к его концу, второй президент России сумел сохранить и даже повысить свой рейтинг. Конечно, определенную роль сыграл установленный режимом контроль над СМИ, прежде всего над телевидением, где критика президента практически была под запретом. Однако, часто ссылаясь на этот факт, противники Путина забывают, что гораздо более строго контролируемые СМИ не смогли сделать популярными некоторых советских лидеров, особенно в последние годы их правления.

Это наводит на мысль о каких-то глубинных факторах, способствовавших тому, что пропаганда в пользу Путина воспринималась в современной России позитивно, а сам он, его личность и его политика одобрялись большинством населения. По мнению автора данной работы, таким фактором является политическая культура современной России и прежде всего та ее часть, которую условно можно назвать «политическим идеалом». Под этим термином подразумевается совокупность доминирующих

представлений о том, какой должна быть власть в стране и какую политику эта власть должна проводить. Ниже рассматриваются генезис этого идеала, его эволюция и возможное влияние на будущее политическое развитие России¹.

Общественный политический идеал и распад СССР

В течение долгого времени причиной распада СССР большинство экспертов как в России, так и за ее пределами считали разочарование населения в коммунистическом режиме и желание создать демократическое общество западного типа, основанное на рыночной экономике. Однако более глубокий анализ представлений советских людей показывает, что ситуация была гораздо сложнее. Разочарование в лидерах и в правящей коммунистической партии было налицо уже в сталинскую эпоху. Но имеющиеся данные позволяют также заключить, что хотя причиной распада СССР и было разочарование в системе, это не подразумевало желания жить в обществе западного типа. Общественные представления об идеальном устройстве были совершенно иными, хотя многим и казалось, что их идеалом был Запад.

Наиболее серьезное исследование общественного мнения в сталинском СССР было

проведено в рамках Гарвардского проекта по изучению советской системы. В основу его выводов были положены несколько тысяч интервью эмигрантов из СССР, оказавшихся за его пределами во время и сразу после Второй мировой войны². Эта работа продемонстрировала, что даже эмигранты отнюдь не ко всем сторонам жизни в СССР относились враждебно. Более того, за несколько лет пребывания за границей их положительное отношение к некоторым чертам советской действительности даже усиливалось.

С особым одобрением эмигранты отзывались о системах образования, здравоохранения и социального обеспечения. Интервьюируемым был задан вопрос: «Что

ное огосударствление экономики, характерное для СССР. До 80 проц. высказывались против государственной собственности в легкой промышленности и значительное большинство — против колхозов.

Можно с уверенностью сказать, что большинство опрошенных считали наиболее предпочтительной смешанную экономическую систему нэповского типа, когда тяжелая промышленность и другие «командные высоты» остаются за государством, а частная собственность процветает в сельском хозяйстве, торговле и легкой промышленности. Не случайно от 70 до 86 проц. респондентов из всех социально-экономических моделей отдали предпочтение социалистической системе

“Советский политический идеал — патерналистское государство с широчайшими полномочиями, которое в то же время благожелательно служит интересам гражданина”.

из советской системы вы хотели бы оставить, если бы большевики были отстранены от власти?» От половины до двух третей респондентов предлагали сохранить систему образования, более половины — систему здравоохранения, от 12 проц. (бывшие колхозники) до 39 проц. (интеллигенция) — социальное обеспечение. Кроме того, 10–20 проц. (в зависимости от социальной категории) считали необходимым сохранить государственную собственность на средства производства и социальное равенство.

Чрезвычайно интересным было и другое явление: упомянутые положительные стороны советской жизни многие никак не связывали с деятельностью власти. Так, на прямой вопрос о том, что стоит сохранить из советской системы, от 19 (интеллигенция) до 34 проц. (неквалифицированные рабочие) ответили, что не нужно сохранять «ничего» или что нужно «все изменить». Это не значит, что большинство респондентов одобряли тоталь-

периода нэпа, и гораздо меньшее их число выбрали капитализм.

Как же обстояло дело с общественно-политической системой? Значительное большинство опрошенных выступили за государство, гарантирующее права граждан. Однако в то же время мало кто полагал, что эти права должны быть неограниченными. Только треть посчитала, что нужно разрешить людям выступать против правительства. Менее половины заявили, что власти не имеют права вмешиваться в собрание граждан, если оно направлено против правительства. В то же время мало у кого возникали возражения против права свободно выбирать работу, передвигаться по стране, быть защищенным от арестов и других незаконных действий властей³.

Как замечают американские авторы, «советские эмигранты и, вероятно, советские граждане, конечно же, ценят контроль со стороны государства, но не сам по себе, а

в основном за то, что они видят в нем естественный способ содействовать их групповым и частным интересам. В целом представляется, что они не разделяют американскую тенденцию считать “государственное вмешательство” отрицательным в любом случае...»⁴. Советский политический идеал кратко сформулирован авторами исследования следующим образом: «Патерналистское государство с чрезвычайно широкими полномочиями, которое решительно их осуществляет, направляя и контролируя судьбу страны, но которое в то же время благожелательно служит интересам гражданина, уважает его личное достоинство и оставляет ему значительную свободу желаний, а также чувство защищенности от произвольного вмешательства и наказания»⁵.

Мы сталкиваемся здесь с любопытным явлением. Большинство опрошенных одобряли некоторые черты советской действительности, хотя многое и не одобряли. Однако одобряемые черты никак не связывались с действиями коммунистического режима, они казались естественными, само собой разумеющимися, в то время как все отрицательное считалось результатом ошибок властей. В итоге значительное число опрошенных (от 40 до 60 проц.) ответили, что в случае свержения большевистского режима его лидеры должны быть казнены, а от 44 до 70 проц. были убеждены, что большевики хуже нацистов. Конечно, глубокий отпечаток на эти ответы наложили эмигрантский статус респондентов, их знакомство с жизнью за рубежом и антисоветская пропаганда. Поэтому вряд ли имеет смысл переносить эти пропорции на все население сталинского Советского Союза. Однако зафиксированные представления эмигрантов указывают на то, в каком направлении могли бы развиваться массовые настроения в СССР, если бы люди получили больше свободы и больший доступ к информации.

Примечательно то, что жизнь на Западе, особенно в США, усиливала неодобритель-

ное отношение советских эмигрантов к коммунистическому режиму, одновременно укрепляя их уверенность в правильности некоторых его фундаментальных основ. Исследователи обнаружили симптоматические различия в ответах между двумя группами эмигрантов: тех, кто прожил год в Соединенных Штатах в условиях свободного рынка, и тех, кто провел тот же год в Германии с ее более смешанной экономикой. Среди первых оказалось значительно больше тех, кто считал необходимым сохранить в СССР после свержения большевиков советскую государственную систему образования, здравоохранения и социального обеспечения. Большинство тех, кто познакомился с американским частным здравоохранением, посчитали, что оно хуже государственного советского. В целом, по словам авторов, «беженцы из всех социальных групп реагировали на контакт с американским обществом возобновившейся тягой к советской системе социального обеспечения»⁶. В то же время мигранты, осевшие в Германии, предпочли советскому немецкое здравоохранение, которое тоже было государственным, но гораздо более эффективным и лучше оснащенным. Наконец, среди эмигрировавших в США оказалось на 18 проц. больше тех, кто высказался против неограниченной свободы слова.

Проведя интереснейшее исследование, американские советологи не вполне верно интерпретировали полученные ими данные. Они посчитали, что одобрение бывшими советскими гражданами многих аспектов советской жизни свидетельствовало о поддержке системы, которая, прояви она больше разума и эволюционируй в соответствии с пожеланиями людей, имела бы шансы значительно укрепиться. Конечно, в выводах о стабильности системы в тот период был определен резон: ведь она просуществовала после этого еще сорок лет. Однако при этом

был упущен важный момент: поддержка сильного социального государства как принципа вовсе не означает поддержку данной формы власти и тем более личностей властителей. Она вполне могла уживаться с ненавистью к конкретным правителям, с которыми ассоциировалось все общественное зло, противоречившее идеалу большинства.

Более того, выяснилось, что увеличение свободы общества в результате либерализации режима способно лишь укрепить такую ненависть, которая особенно усилится, если режим не будет справляться с постоянным

руководством Джеймса Миллара. Его результаты были опубликованы в 1987-м в книге «Политика, работа и каждодневная жизнь в СССР»⁷. В отличие от Гарвардского проекта, где в основном опрашивались русские и украинцы, представлявшие самые разные слои общества, в данном случае респондентами были те, кто покинул Советский Союз в конце 70-х годов XX века, то есть главным образом евреи — жители крупных городов, обладавшие сравнительно высоким уровнем образования. Естественно, исследователи сознавали, что эта категория населения еще

“В представлениях советских людей отсутствовала связь между поддержкой некоторых сторон жизни в СССР и враждебным отношением к режиму в целом”.

повышением уровня социальной защищенности граждан и совершенствованием всей сферы «государственной заботы». Естественно, что в случае падения старого режима от нового с еще большим энтузиазмом будут требовать воплощения в жизнь политического идеала. В то же время — и это западные советологи, склонные рассматривать мировую историю как историю борьбы за демократию, часто не учитывали — критическое отношение большинства населения к коммунистическому режиму может вовсе и не сопровождаться желанием преобразовать его в общество западного типа, а вылиться в борьбу за идеал (возможно, неосуществимый на практике), столь же далекий от западного, как и сталинский коммунизм.

В брежневские времена на территории СССР опросы, на данные которых, особенно по политическим вопросам, можно было бы положиться, не проводились. Однако для данного периода в распоряжении экспертов имеется еще одно исследование эмигрантов, на этот раз новой волны, проведенное группой американских ученых под

в меньшей степени, чем в Гарвардском проекте, репрезентативна по отношению к населению СССР в целом. Поэтому они предполагали, что опрошенные ими эмигранты будут относиться к советской действительности еще более враждебно. Однако это оказалось не совсем так.

И на этот раз большинство респондентов с одобрением высказались о тех же самых сторонах жизни в Советском Союзе, что и их предшественники тридцать лет назад⁸. Гарвардская модель почти полностью повторилась и в области прав и свобод. Бывшие советские граждане выступили за расширение своих прав и свобод, но не безграничное и не во всех областях. 76,2 проц. из них высказались за отмену прописки, 42,9 — согласились с необходимостью предоставить рабочим безусловное право на забастовку. Но только 25,1 проц. посчитали, что общество не должно защищать себя ценой осуждения невиновного, а 17,2 проц. заняли противоположную позицию, заявив, что невиновным в этом случае можно и пожертвовать⁹. В целом можно сказать, что, несмотря на

прошедшие тридцать лет и несходство групп опрошенных, оба опроса показали значительную устойчивость взглядов советских людей на то, как должно работать государство.

В политических представлениях советских людей устойчиво отсутствовала также связь между поддержкой некоторых сторон советской действительности и враждебным отношением к режиму в целом¹⁰. Как и при Сталине, в годы правления Брежнева враждебность к коммунистическому режиму вовсе не означала принятия «западного» или какого-либо другого образца. Скорее наоборот, неприятие режима было вызвано не верием в его способность воплотить в жизнь реальный общественный идеал советских граждан. Эти выводы в целом подтверждаются данными других исследований¹¹.

Вместе с тем группа Миллара обнаружила некоторые новые тенденции в жизни советского общества. Если авторы Гарвардского проекта пришли к выводу, что образованные и молодые люди склонны более позитивно оценивать отдельные стороны советской жизни (в рамках рассмотренной выше тенденции), то в брежневское время была отмечена обратная зависимость. Исследование показало, что в конце 1970-х, «государственнические» и «правоограничительные» настроения усиливались вслед за повышением субъективной удовлетворенности материальными условиями жизни в результате роста благосостояния. Фактором же, который действовал в противоположном направлении, усиливая «либеральные» настроения американского типа, был уровень образования¹².

Таким образом, в «классическом» СССР (то есть до прихода к власти Горбачёва) в рамках советской политической культуры сложился устойчивый идеал власти, который можно сформулировать следующим образом:

1. Сильное государство с большим объемом полномочий в политической и эконо-

мической областях, возглавляемое сильным лидером.

2. Основная цель государственной власти — повышение уровня жизни населения.

3. Государственная собственность в ведущих отраслях промышленности — оборонной, тяжелой, металлургической и т. п.

4. Частная собственность в торговле, легкой промышленности, сельском хозяйстве.

5. Сохранение государственных систем здравоохранения, социального обеспечения, образования при условии значительного повышения их эффективности.

6. Предоставление или расширение ряда гражданских прав и свобод: свободы передвижения, права выбора рода деятельности и владения собственностью.

7. Прекращение идеологического вмешательства в частную жизнь граждан при сохранении определенного государственного либо иного рода контроля над нормами общественной нравственности.

8. Мирная внешняя политика, исключающая возможность возникновения войн и конфликтов с участием России.

9. Сохранение СССР (России) как великой державы, оказывающей позитивное влияние на мировую политику.

Что касается перспектив режима, то вырисовывалась следующая картина. В той степени, в какой режим удавалось повышать благосостояние людей или, по крайней мере, убеждать их в том, что они живут хорошо, он мог рассчитывать хотя бы на частичную поддержку. Однако, давая людям образование, а вместе с ним и понимание того, что по сравнению с другими странами их уровень благосостояния невысок, режим сам себе рыл могилу. В этом же направлении работала и большая открытость советского общества, появившиеся новые источники информации (зарубежные поездки, радиопередачи, самиздат и т. п.), что контрастировало с ситуацией сталинских времен,

когда люди, лишённые возможности сравнивать, оставались субъективно более удовлетворёнными¹³.

В СССР эта тенденция была замечена независимыми российскими социологами в конце 1960-х годов. Например, Андрей Амальрик в своем знаменитом эссе «Доживет ли Советский Союз до 1984 года?» прямо связал будущие изменения системы с интересами нового советского «класса специалистов», который «начинает уже осознавать свое единство и заявлять о себе»¹⁴. Согласно Амальрику, «режим должен был все послевоенное время развивать экономику страны и науку, которая в современном обществе принимает все более массовый характер,

ства советских людей, свидетельствуют многочисленные опросы общественного мнения, проводившиеся с конца 1980-х годов в СССР как советскими, так и зарубежными специалистами. Данные большинства из них в целом подтверждали выводы Гарвардского проекта и группы Миллара.

Иностранцы, знакомившиеся с итогами новых опросов, сначала изумлялись, насколько стремление советских людей к большей свободе и личной независимости схоже с умонастроением граждан большинства западных стран. Однако вскоре их понимание ситуации стало более глубоким. Так, анализируя данные советско-американского опроса, проведенного в мае 1990-го среди взрослого

“Горбачёв разрешил людям высказываться, но не мог удовлетворить их желаний. Вину за это народ возложил на него самого и возглавляемую им компартию”.

что и породило этот многочисленный класс», включающий людей свободных профессий (как писатели или артисты), лиц, занятых, научно-административной работой, управленцев в среде экономики и т. д.»¹⁵. Поскольку, считал Амальрик, этот класс «нуждается в своей деятельности в известной прагматической и интеллектуальной свободе» и может функционировать только в условиях верховенства закона, советская диктатура будет вынуждена меняться. Эти выводы Амальрика совпадают с выводами группы Миллара.

Горбачёвская либерализация

Политика Горбачёва поначалу была направлена на удовлетворение общественных чаяний. Предоставление большей свободы и повышение уровня жизни как главная цель внутренней политики сделали нового лидера довольно популярным. О том, что именно эти вопросы были главными для большин-

населения европейской части Советского Союза, американские исследователи Джеймс Гибсон и Реймонд Дач пришли к выводу, что в СССР «люди высказали довольно широкую поддержку институтам соревновательных выборов и были довольно активны в требовании демократических прав, связанных с гражданством»¹⁶. В то же время поддержка других демократических ценностей, по мнению этих исследователей, была не столь прямой. Гибсон и Дач отметили некоторые важные свидетельства того, «что не все были готовы принять свободу, если ее ценой будет социальный крах. Так как демократическая политика позволяет открытое выражение неприятных, разрушительных и оскорбительных взглядов, многие советские люди не демонстрировали большой приверженности к демократии... Граждане были склонны требовать прав для себя, даже если они были еще не готовы распространить те же права на других»¹⁷.

Однако избыток прав еще не стал проблемой Горбачёва, который в этой сфере был далек от того, чтобы опережать желания основной массы населения. Его судьбу предопределила неспособность решить задачи, которые большинство считало главными: усиление социальной защищенности и повышение материального благосостояния. То, что именно это, а не расширение гражданских прав, было самым важным для многих (чего, кстати, порой не замечали зарубежные эксперты по проблемам демократии), показывают результаты тогдашних опросов. Так, согласно одному из них, проведенному в ноябре 1989 года ВЦИОМ и отражавшему настроения всего населения Советского Союза, респонденты, отвечая на вопрос «Чего в первую очередь не хватает сегодня советскому человеку?», в своем большинстве указали на материальный достаток (56,8 проц., первое место с большим отрывом) и лишь 14,4 проц. из них — на политические права (пятое место среди восьми вариантов). В том же обследовании на вопрос «Как бы вы определили главную задачу, стоящую перед обществом?» были получены в большинстве своем ответы, так или иначе связанные с материальным благосостоянием и распределением благ: 1) обеспечить народу материальное благополучие (38,4 проц.); 2) установить подлинную справедливость без привилегий и льгот (28,8); 3) возродить деревню, крестьянское хозяйство, сельский уклад (23,7 проц.). Задача же построения свободного демократического общества оказалась лишь на четвертом месте (18,8 проц.)¹⁸.

Либерализация, которая наиболее удалась Горбачёву, воспринималась большинством не как цель, а как средство достижения главной задачи — материального благосостояния. Либерализация и открытость сами по себе приводили к снижению субъективной удовлетворенности жизнью и усилению антирежимных настроений, готовя

политический крах режима. Когда к ним прибавились еще и неспособность повысить жизненный уровень, а затем и его реальное снижение, субъективная удовлетворенность жизнью большинства населения упала до критической отметки. Кроме того, Горбачёв воспринимался как представитель старого, коммунистического режима, и на него было перенесено все накопившееся недовольство — сработала традиция винить власть во всех грехах, при этом считая достижения само собой разумеющимися. Парадокс заключается в том, что именно Горбачёв был первым лидером, который предоставил возможность гражданам страны выразить свои политические предпочтения посредством выборов: до него народные настроения если и имели какое-то влияние на власть, то только весьма опосредованное. И сам советский президент стал жертвой собственных реформ, вернее, непонимания их последствий. Он разрешил людям высказываться, но не знал, чего они захотят, и тем более не мог удовлетворить их желаний (последнее вряд ли и было возможно). Это привело к тому, что результаты его политики были восприняты как растущая анархия и отсутствие порядка. Возложив вину за это на него самого и возглавляемую им компартию (см. табл. 1), народ отказал им в доверии и проголосовал за свой идеал.

Реформы Ельцина: против чаяний населения

Таким идеалом для большинства стал Борис Ельцин, свидетельством чему — результаты первых в России свободных выборов главы государства. В упомянутом опросе ВЦИОМ значительное большинство респондентов заявили, что предпочли бы начальника «строгаго», но «инициативного», и решительно выступили против передачи всей власти в руки одного человека. Ельцин казался тогда строгим, решительным и вместе с тем

демократичным, способным осуществить идеалы большинства на деле.

Чего ждали от нового президента? Если представленная выше модель общественного идеала верна, то ожидали следующего: повышения жизненного уровня путем сохранения государственной собственности в тяжелой промышленности, но решительной приватизации сельского хозяйства, торговли и легкой промышленности, сохранения введенных Горбачёвым гражданских прав и, возможно, их углубления, но в определенных пределах (прежде всего это касалось перемещений внутри страны и за границу, трудовых отношений и т. п.). Ждали окончательного прекращения любых политических и прочих произвольных преследований, войн и жестокостей, вмешательства в частную жизнь граждан, отмены привилегий власть имущих. Но главное — сохранения и усиления социальной защищенности, улучшения всего комплекса государственных социальных услуг в образовании, медицине, социальном обеспечении, но отнюдь не их приватизации.

В данном случае для нас не важно, можно ли было выполнить такую программу в принципе, — вполне возможно, что и нет. Важно другое: Ельцин, вероятно, интуитивно уловив витавший в воздухе идеал, во время предвыборной кампании обещал выполнить практически все пункты программы (вспомним хотя бы его готовность лечь на рельсы, если уровень жизни снизится). Придя же к власти, он попал под влияние группы реформаторов, намерения которых существенно расходились с идеалами большинства.

Излагая план реформ на V съезде народных депутатов РСФСР 28 октября 1991-го, Ельцин сказал: «Хуже будет всем примерно полгода, затем — снижение цен, наполнение потребительского рынка товарами, а к осени 1992 года — стабилизация экономики, постепенное улучшение жизни людей»¹⁹. Однако реальные результаты оказались совершенно

иными. Да, рынок заполнился потребительскими товарами, но все остальное пошло совсем не так, как планировалось. Спад промышленного производства продолжался не шесть месяцев, а семь лет (до 1999-го).

В 1992 году потребительские цены выросли не в два-три раза, как предусматривалось, а в двадцать пять. К 1993-му более 20 млн россиян (около 15 проц. населения) оказались без работы (явление, немыслимое в СССР). Реальные располагаемые доходы населения в 1992 году снизились по сравнению с предыдущим годом более чем вдвое, что значительно обесценивало главное достижение реформ — изобилие товаров на рынке. Покупательная способность россиян на основные продукты питания в 1992-м резко упала²⁰. За первым экономическим шоком последовала постепенная стабилизация 1996—1997 годов. Это дало повод россиянам думать, что хотя цена реформ оказалась и выше, чем предполагалось, но все же страна находится на верном пути. Но уже в 1998-м Россия вошла в новый экономический кризис.

Реформы Ельцина в общественном мнении

Непрекращающийся кризис, вызванный реформами Ельцина, привел к широкому недовольству населения. В глазах россиян ельцинское руководство вместо того, чтобы быть идеальной сильной патерналистской властью, заботящейся о людях и обеспечивающей ограниченные свободы в некоторых сферах, представало властью слабой и неуправляемой, бросившей население на произвол судьбы. Ельцин не просто не выполнил практически ничего из того, чего от него ожидали. С точки зрения населения, он почти все время действовал вразрез с народным политическим идеалом и вопреки собственным обещаниям. Уровень жизни и в еще большей степени субъективная им удовлетворенность значительно снизились.

Таблица 1

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ: «АНАРХИЯ» (В % ОТ ЧИСЛА ОПРОШЕННЫХ)			
Характеристика обстановки в стране	Ноябрь 1990 г.	Июль 1994 г.	Март 1998 г.
«Утрата порядка», «безвластие», «анархия»	58	52	48
<i>Источник: Левада Ю. От мнений к пониманию. М., 2000. С. 326.</i>			

Привилегии же власти существенно возросли. Десятилетиями вызывавшие гордость граждан системы государственного образования и здравоохранения пришли в упадок. Не выплачивались зарплаты и пенсии. Возникли новые проблемы, никак не соответствовавшие народному пониманию сильной власти, которая, по идее, должна не быть жестокой и к своим, и к врагам, а самой своей мощью делать жертвы ненужными. Разросшаяся преступность и чеченская война еще более снизили популярность власти. Снова сработал закон ненависти ко власти имущим: раз Ельцин и «демократы» стоят у власти, следовательно, они отвечают за всё. Согласно исследованиям ВЦИОМ, многие россияне, которые вначале надеялись на то, что первый российский президент сумеет справиться с «анархией», порожденной политикой Горбачёва, посчитали, что он оказался не способен это сделать и что ситуация при советском режиме была лучше (см. табл. 1 и 2).

Такой результат неудивителен. Хотя большинство россиян и признавали некоторые позитивные результаты реформ, уже к 1994 году они считали, что негативные послед-

ствия для их жизни преобладали. Особую озабоченность вызывали те из них, что вели к снижению жизненного уровня и общественной безопасности²¹.

Среди нововведений, пришедших с реформами, наиболее непопулярным была многопартийность. К 1999-му 50 проц. опрошенных россиян считали, что она причинила больше вреда, чем принесла пользы. Партийная политика, «делившая общество на части», стала наиболее непривлекательной чертой нового политического устройства. Отсутствие поддержки делало партии, в том числе и партии власти, слабыми и неэффективными. В то же время возрастало число сторонников свободного предпринимательства и некоторых других свобод, например, права на забастовки, а число сторонников свободного выезда из страны стабильно превышало число его противников (см. табл. 3 на с. 91).

В результате все большее число россиян отвергало нестабильность начала 1990-х вместе с некоторыми, хотя и не всеми, принесенными этими годами новыми возможностями. Все больше людей были готовы довольствоваться небольшим, но твердым заработком и уверенностью в завтрашнем дне,

Таблица 2

«БЫЛО БЫ ЛУЧШЕ, ЕСЛИ БЫ ВСЕ В СТРАНЕ ОСТАВАЛОСЬ ТАКИМ, КАК ДО 1985 ГОДА?» (В % ОТ ЧИСЛА ОПРОШЕННЫХ)		
Варианты ответа	1994 г.	1999 г.
Согласен	44	52
Не согласен	34	27
Затрудняюсь ответить	23	15
<i>Источник: Левада Ю. От мнений к пониманию. С. 439.</i>		

то есть тем, что они, по их мнению, имели в советское время. С каждым годом увеличивалось число респондентов, высказывавших мнение, что людям не хватает материального достатка. Одновременно и так низкий рейтинг политических прав и свобод стабильно падал, дойдя к 1999-му до 2 процентов²². В то же время само понимание прав человека россиянами заметно отличалось от того, что предписывала политическая теория. Согласно данным опроса 1998 года, к самым значимым правам, несоблюдение которых их беспокоило в наибольшей степени, большинство респондентов отнесли права социально-экономические. Несоблюдение же политических прав заботило немногих²³.

все более и более «организованными», а так называемый «административный ресурс» (то есть вмешательство исполнительной власти) играл все большую роль, интерес к ним падал. Проправительственные партии («партии власти») постоянно их проигрывали, набирая незначительное число голосов. Если в период наивысшей популярности горбачёвской перестройки число участвовавших в выборах всегда превышало 70 проц. населения, то на выборах в Государственную думу в 1993-м голосовало лишь 54,8 проц. (и даже эта цифра, возможно, была завышена в связи с необходимостью добиться 50-процентной явки на одновременно проходившем референдуме по конституции). Время самого низ-

“И Евгений Примаков, и Владимир Путин понимали «порядок» не как верховенство закона, а как восстановление управляемости за счет укрепления государства”.

Популярность Ельцина резко упала. Президент продолжал активно использовать демократическую риторику и в общественном мнении ассоциировался с «демократами», поэтому все, что было связано с прозападным, либеральным, «демократическим» курсом, стало вызывать отторжение общественности. С падением популярности «демократов» теряла привлекательность и их программа. Поскольку идеи разделения властей, правового государства и так никогда не котировались высоко, наибольшее разочарование стали вызывать институты выборов и политика в целом. Если в конце 1980-х — начале 1990-х годов многие, порой неожиданно для себя, шли в политику, искренне стремясь изменить жизнь к лучшему, то теперь, после того как изменившаяся жизнь оказалась далекой от идеала, политика стала считаться «грязным делом», а политики — бездельниками, ворами и карьеристами. По мере того как при Ельцине выборы делались

кого участия в выборах различных уровней совсем не случайно пришлось на 1992–1993 годы, совпав с самыми сложными годами ельцинских реформ и конфликта между исполнительными и представительными структурами по всей стране. Позднее, согласно официальным данным (которые, впрочем, не вызывают особого доверия), число участвовавших по крайней мере в федеральных выборах несколько повысилось, но так и не достигло уровня последних лет существования Советского Союза.

В результате кто-то решил не участвовать в выборах вообще, а кто-то поддержал партии, программы которых в большей степени соответствовали традиционному идеалу патерналистского государства. Большинство вновь хотело наделить властью сильного лидера, который бы обеспечил рост благосостояния и восстановил порядок, пусть даже за счет сокращения некоторых «чрезмерных» политических свобод, но без сворачивания

основных достижений реформ, в особенности в области экономических свобод. Но теперь идеального лидера искали не среди дискредитировавших себя «демократов», а в структурах, ассоциировавшихся с «порядком» (армия, органы безопасности и т. п.), популярность которых, особенно по сравнению с выборными органами, значительно возросла²⁴.

Политика Путина: ликвидация сфер независимой деятельности и общественная апатия

На таком фоне президент Ельцин в конце 1999-го неожиданно для многих досрочно ушел в отставку. В этот момент реальных кандидатов на пост президента было двое: бывший премьер Евгений Примаков и действовавший премьер Владимир Путин. Несмотря на некоторые различия между ними, можно говорить о принципиальном сходстве их программ и взглядов. Оба они долго работали в правоохранительных структурах, причем наиболее долго в КГБ и его наследнице — внешней разведке. Оба были крайне недовольны реформами ельцинской эпохи и хотели навести «порядок», но предпочитали работать внутри системы, а не критиковать ее извне. Оба понимали «порядок» не как верховенство закона, а как восстанов-

ление управляемости за счет укрепления государства (то есть власти госаппарата) и ослабления влияния олигархических кланов и экономических группировок по меньшей мере в политической сфере. В то же время ни тот ни другой не выступали за восстановление полной экономической монополии государства, так как исторический провал огосударственной экономики советского типа был очевиден.

Во внутривластной сфере пришедший к власти Путин поставил своей целью ограничить влияние и полномочия всех независимых или автономных субъектов и восстановить власть федерального Центра в регионах. В этом просматривается смысл создания семи федеральных округов и введения в каждом из них должности представителя президента, перехода к фактическому назначению глав регионов, реформы Совета Федерации, изгнания оппозиции из Государственной думы, которому способствовали как реальное снижение популярности «либеральных» партий («Яблоко» и СПС), так и массированное использование государственной машины для повышения популярности пропрезидентской партии.

Поход против крупных олигархических структур был связан не только с их контролем над СМИ. Путин стремился

Таблица 3

ОЦЕНКИ ПЕРЕМЕН ПОСЛЕДНЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ («ЧТО ПРИНЕСЛИ РОССИИ...?», В % ОТ ЧИСЛА ОПРОШЕННЫХ)				
Позиции	Больше пользы (1994 г.)	Больше вреда (1994 г.)	Больше пользы (1999 г.)	Больше вреда (1999 г.)
Свобода слова, печати	53	23	47	32
Сближение России со странами Запада	47	19	38	23
Свобода выезда из страны	45	23	43	23
Свобода предпринимательства	44	28	50	25
Многопартийные выборы	29	33	21	50
Право на забастовки	23	36	32	26
Распад СССР	8	75	Нет данных	Нет данных

Источник: Левада Ю. От мнений к пониманию. С. 397, 440.

ликвидировать политическое влияние политико-экономических кланов. Он многократно повторял фразу о том, что бизнес не имеет право вмешиваться в политику. В этой фразе – концентрированное выражение новой бюрократической идеологии: можно делать не то, что разрешает закон (например, влиять на политический процесс законными средствами), а то, что дозволено властью. С точки зрения такой логики, государственное управление – привилегия бюрократии, и бизнес в него вмешиваться не должен. Частный бизнес разрешен, но только если он политически лоялен и поддерживает начинания власти. Империи Гусинского, Березовского и Ходорковского были разрушены именно потому, что переступили негласные границы дозволенного. Последним по времени ударом по альтернативному политическому влиянию стали принятые в 2006 году поправки к закону об общественных объединениях, значительно усложняющие порядок их финансирования, в особенности из-за границы.

В последние годы президентства Путина из-за опасения роста недовольства населения, а также под давлением критики некоторых специалистов, которые утверждают, что власть не способна использовать сред-

ства, доставшиеся ей благодаря росту цен на нефть, в целях развития отечественного производства, правительство смягчило свою первоначально жесткую монетаристскую политику. Были разработаны «национальные проекты» – программы государственного финансирования основных социально значимых направлений политики. Таким образом, различия между курсом, ожидавшимся от Примакова, и курсом путинского руководства стали меньше. Авторитарно-монетаристский режим, стремясь обезопасить себя от недовольства населения, эволюционировал в сторону социального государства.

Общественное восприятие политики Путина

Политика Путина в целом соответствовала общественным настроениям. Чтобы понять причины популярности путинского режима, полезно рассмотреть, каким был политический идеал населения в первом десятилетии XXI века. В этом плане весьма интересными представляются результаты периодических опросов в рамках программы «Новый российский барометр» (НРБ) под руководством профессора Абердинского университета Ричарда Роуза, который делает вывод: «Предполагается, что между россиянами

Таблица 4

КРИТЕРИИ «НОРМАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА» (% ОТВЕТИВШИХ «ОЧЕНЬ ВАЖНО» И «СКОРЕЕ ВАЖНО»)		
	НРБ 2004 г.	НРБ 2007 г.
Возможность жить без вмешательства властей	95	96
Возможность для каждого найти работу	96	98
Внимательное отношение к простым людям со стороны государственных чиновников	95	96
Помощь системы социальной защиты в случае необходимости	96	97
Отсутствие инфляции	98	99
Безопасность, отсутствие страха стать жертвой преступления	97	98
Возможность улучшить свой уровень жизни	97	98

Источник: Rose R. Is Russia Becoming a Normal Society // *Demokratizatsiya*, Winter 2008; http://findarticles.com/p/articles/mi_qa3996/is_200801/ai_n25138435/pg_1?tag=artBody;col1; Rose R. *New Russia Barometer XIII: Putin's Re-Election*. Centre for the Study of Public Policy Univ. of Strathclyde, 2004. P. 7–8.

существует согласие относительно того, что составляет нормальную жизнь, и россияне придерживаются тех же норм и ценностей, что и граждане на Западе (то есть в Европе и США). Но это предположение не подтверждается эмпирически». Согласно опросу НРБ 2007 года, «россияне практически единодушны в том, что необходимо для нормального общества... Абсолютное большинство их (85 проц.) считают “очень важным” “безопасно ходить по улицам, не опасаясь стать жертвой преступления” и иметь возможность “улучшить свой жизненный уровень”; более четырех пятых

нефть дали российскому бюджету огромные средства, так или иначе жизнь большинства людей при Путине стала гораздо богаче и стабильнее, чем при Ельцине. В общественном мнении это создало острый контраст с периодом 90-х годов XX века.

Оценка результатов правления Путина населением показывает, что именно улучшения в социальной и экономической жизни (повышение жизненного уровня, укрепление стабильности, подъем экономики) рассматриваются в качестве основных успехов президента. В то же время показательно, что те,

“Среди недовольных лишь незначительная часть называет в качестве причины рост авторитаризма и произвол чиновников”.

считают “очень важным”, чтобы “каждый, кто хочет, мог найти работу” и чтобы не было угрозы инфляции; 72 проц. опрошенных считают важным возможность “заниматься своими повседневными делами, не опасаясь вмешательства со стороны властей” и “надеяться на систему социальной защиты”, которая “очень важна” для “нормальной” жизни» (см. табл. 4 на с. 92). «Коротко говоря, — заключает Роуз, — российский идеал “нормального общества” ассоциируется с хорошо функционирующим, свободным и справедливым государством»²⁵. Очевидно, что идеал «нормального общества» мало изменился по сравнению с общественным политическим идеалом, выявленным более ранними исследованиями.

Не подлежит сомнению, что, несмотря на всю критику экономической политики Путина, ситуация в период его президентства значительно улучшилась²⁶. Произошло это улучшение благодаря политике Путина (как считают одни), или вопреки ей (как утверждают другие), потому что реформы 1990-х создали базу для подъема, или потому что исключительно высокие цены на

кто почувствовал в период президентства Путина отрицательные изменения, также имели в виду социально-экономические проблемы (инфляция, рост цен, бедность, низкие зарплаты). Даже среди недовольных лишь незначительная часть в качестве причины своего недовольства отмечают рост авторитаризма и произвол чиновников²⁷.

Кроме того, как показывают опросы общественного мнения, большинство людей поддерживали Путина не потому, что считали, будто он эффективно решает все проблемы страны. После десятилетия идеализма население стало более реалистичным: россияне либо верили в то, что президент прикладывает усилия и способен решить проблемы в будущем, либо не видели ему альтернативы. Путину давали кредит, одновременно перекладывая ответственность с себя на руководство страны (см. табл. 5).

Опросы НРБ также показывают, что большинство россиян давали Путину «фору» и постепенно улучшали свое отношение к ситуации в стране. Число считающих современное российское общество «нормальным» в 2007-м составляло лишь 46 проц., однако

оно значительно увеличилось по сравнению с 2000 годом (см. табл. 6) ²⁸.

Таким образом, популярность политики Путина вызвана рядом причин. С одной стороны, уровень жизни большинства реально повысился, и люди, естественно, ассоциировали эти улучшения с политикой властей. С другой стороны, общая направленность политики, ее идеология — после первоначальных попыток продолжить и даже ужесточить ельцинский «либерализм» — постепенно сближалась с представлениями населения об идеальной политико-экономической системе (усиление роли государства в экономике, большее внимание к социальной политике и т. д.).

Внешняя политика Путина: западная ориентация и антизападная риторика

После распада СССР российская внешняя политика несколько раз меняла свое направление. В первые годы президентства Ельцина она была односторонне прозападной. Со временем этот курс вошел в противоречие с общественным мнением, а также идеологией и интересами значительных сегментов политической, академической и деловой элит, что привело к его смене на более сбалансированный. Новый министр иностранных дел Примаков укрепил отношения с государствами СНГ, исламским миром, Китаем и

Индией, используя их для уравновешивания прозападного крена.

Придя к власти, Путин, после некоторых колебаний, взял курс на сотрудничество с США и интеграцию с Западом, что выразилось в оперативной и безусловной поддержке США после событий 11 сентября 2001 года. Однако ошибки козыревского периода были усвоены, и, сохраняя в целом хорошие отношения с Западом, Россия стала занимать собственную позицию по отдельным вопросам (Ирак, Иран, Косово). Руководство Путина не поддерживало одну державу и один центр силы, а балансировала между США и Европой, между различными европейскими государствами, между США и Китаем, Западом и исламским миром, занимая ту позицию, которая, с его точки зрения, отвечала российским национальным интересам. Москва также тщательно избегала любых шагов, которые могли бы быть восприняты населением как унижительные или неуважительные по отношению к другим государствам. Развитие отношений с Западом сопровождалось углублением сотрудничества с важнейшими для России государствами Азии, такими, как Китай, Иран, Индия, Япония и обе Кореи.

В атмосфере общественной апатии и недостаточного интереса к остальному

Таблица 5

ОЦЕНКИ ПЕРЕМЕН ПОСЛЕДНЕГО ДЕСЯТИЛИТИЯ («ЧТО ПРИНЕСЛИ РОССИИ...?», В % ОТ ЧИСЛА ОПРОШЕННЫХ)							
	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
Люди убедились, что Путин успешно и достойно справляется с решением проблем страны	14	21	15	16	16	25	31
Люди надеются, что Путин в дальнейшем сможет справиться с проблемами страны	43	44	46	40	36	32	30
Люди не видят, на кого другого они еще могли бы положиться	34	31	34	41	42	38	35
Затруднились ответить	9	4	5	3	6	5	4

Источник: Левада-Центр, <http://www.levada.ru/prez06.html>

миру внешняя политика Путина, так же как и внутренняя, стала выражением интересов федеральной бюрократии и крупных олигархических структур, занятых в основном добычей и продажей углеводородов. С одной стороны, укрепление финансовой мощи России, вызванное резким ростом мировых цен на энергоносители, постепенно привело к росту «патриотизма» в правящей бюрократическо-олигархической элите, выразившемуся в более независимом (по сравнению с ельцинским и раннепутинским периодами) внешнеполитическом курсе. Как и во внутренней политике, эта тенденция привела к ограниченному возврату к некоторым элементам традиционной советской внешнеполитической стратегии и практики. С другой стороны, коммерческие и личные интересы новой российской правящей элиты во многом зависят от экспорта нефти и газа в Западную Европу. Именно этим обусловлено постоянное маневрирование между действиями, продиктованными бюрократическим национализмом, и вынужденными уступками давлению Запада.

Общественное восприятие внешней политики Путина

На первый взгляд непоследовательная, внешняя политика Путина в действительности

двигалась в сторону общественного идеала и благодаря этому находила поддержку у большинства россиян, которые считали, что она направлена на сохранение за Россией статуса влиятельного мирового игрока и на восстановление ее законного места среди других мировых держав. Этот курс воспринимался как прагматический, отстаивающий российские интересы, как, например, в случае повышения цен на экспортируемый газ для партнеров по СНГ. Но вместе с тем он оценивался как мирный, так как путинское руководство старательно избегало серьезных конфликтов с Западом, одновременно развивая тесные связи с другими игроками (Китай, Индия, АСЕАН и т. д.)

Результаты опросов общественного мнения подтверждают эти выводы. Наибольшей популярностью Запад пользовался в России в последние годы существования СССР, когда значительная часть населения связывала перспективы повышения жизненного уровня с реформами, которые рекомендовали западные эксперты, и с прозападной внешнеполитической ориентацией. По данным ВЦИОМ, в 1990-м, на пике популярности Запада в СССР, 32 проц. респондентов рассматривали США в качестве модели для подражания (28 в 1989-м, 25 в 1991-м, и 13 в 1992-м году), 32 проц. предпочитали Японию (28 в 1991-м, 12 в 1992-м году); 17 проц. – Германию, 11 –

Таблица 6

ВЗГЛЯДЫ РОССИЯН НА ТО, ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ОБЩЕСТВО В ИХ СТРАНЕ «НОРМАЛЬНЫМ» («ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, РОССИЯ СЕЙЧАС «НОРМАЛЬНЫМ ОБЩЕСТВОМ»?», В % ОТ ЧИСЛА ОПРОШЕННЫХ)

	Янв. 2000 г.	Июнь 2001 г.	Июнь 2003 г.	Март 2004 г.	Янв. 2005 г.	Апр. 2007 г.	Изменение
Безусловно да	2	9	15	10	10	19	+17
Скорее да	11	13	25	18	26	27	+16
Является	(13)	(21)	(40)	(28)	(36)	(46)	(+33)
Скорее нет	54	50	40	45	49	40	-14
Безусловно нет	33	29	20	27	15	14	-19
Не является	(87)	(79)	(60)	(72)	(64)	54	(-33)

Источник: <http://www.polit.ru/research/2008/07/07/rose.html>

Таблица 7

СООТНОШЕНИЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ОЦЕНОК ДЕСЯТИ СТРАН МИРА В 1995 И 2001 ГГ. (В ПОРЯДКЕ УБЫВАНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ ОЦЕНОК В 2001)						
Страны	1995 г.			2001 г.		
	В осн. полож.	В осн. отриц.	Затрудн. ответить	В осн. полож.	В осн. отриц.	Затрудн. ответить
Франция	78,9	3,0	18,1	63,9	8,0	28,1
Канада	72,8	2,4	24,8	57,7	8,1	34,2
Англия	76,6	4,2	19,2	54,7	14,5	30,8
Германия	69,0	11,5	19,5	54,1	18,0	27,9
Япония	68,5	9,2	22,9	53,3	16,0	30,7
Индия	59,4	4,8	35,8	52,6	9,8	37,6
Китай	41,2	21,1	37,7	38,8	20,8	40,4
США	77,5	9,0	13,5	36,8	39,3	23,9
Израиль	40,8	20,4	38,8	27,0	32,9	40,1
Ирак	21,7	34,7	43,6	17,7	38,7	43,6

Источник: Здравомыслов А. Национальное самосознание россиян: «Они» и «мы» — внешнеполитический аспект национального самосознания. <http://old.polit.ru/documents/483357.html>

Швецию и только 4 проц. — Китай²⁹.

К середине 1990-х годов, когда стало очевидно, что реформы, поддержанные Западом, не дают результатов, популярность западных стран снизилась, а к началу XXI века падение их рейтинга стало еще более заметным (см. табл. 7).

Падение популярности Запада происходило на фоне усиливающихся настроений в пользу укрепления престижа России в мире, ее самостоятельности, меньшей зависимости от внешних сил (см. табл. 8). Все большее число россиян хотело видеть свою страну сильной, влиятельной и уважаемой в мире.

У россиян возникли серьезные сомнения относительно европейского пути развития для России. К началу XXI века лишь небольшое меньшинство поддерживало безоговорочную ориентацию на Европу и Запад. Несмотря на то, что большинство россиян считали себя ближе к западному, чем к восточному миру, они полагали, что политически Россия должна быть независимой, самостоятельно принимать решения и

пользоваться уважением у других крупных международных игроков. Лишь 15 проц. респондентов предпочитали для России путь европейской цивилизации (см. табл. 9).

Эти взгляды вполне соответствовали официальной концепции Кремля о необходимости построения «многополярного мира», в котором Россия была бы одним из независимых центров силы. Рост подобных настроений происходил параллельно с усилением чувства одиночества в мире, в котором большинство россиян не находили у своей страны ни друзей, ни союзников, а лишь враждебное окружение (см. табл. 10 на с. 99).

Согласно опросу ФОМ, проведенному в сентябре—октябре 2006 года, 35 проц. опрошенных одобряли и 28 проц. не одобряли внешнюю политику России (из числа тех, кто следит за внешней политикой, а таковых оказалось 47 проц., то есть одобрявших и неодобрявших было соответственно 49 и 36 проц.). Тот же опрос показал, что основные элементы внешней политики, вызывающие одобрение, вполне вписываются в нашу

Таблица 8

ШКАЛА СОГЛАСИЯ С СУЖДЕНИЯМИ О РОССИИ В 1995 И 2001 ГГ.		
	1995 г.	2001 г.
Россия — великая держава, она должна заставить другие государства и народы уважать себя	81,7	84,9
Россия тяготеет скорее к Востоку, чем к Западу	11,9	20,5
России грозит агрессия из-за рубежа	18,0	39,5
Только подняв экономику и утвердив демократию, мы заставим мир себя уважать	84,9	84,3
Нужно повернуться лицом к миру, стать такими, как все	62,1	41,9
<i>Источник:</i> Здравомыслов А. Национальное самосознание россиян. http://old.polit.ru/documents/483357.html		

модель постсоветского политического идеала. Те, кто одобрял российскую внешнюю политику, отметили следующие ее положительные стороны: стремление к миру, повышение авторитета России, ее большая уверенность на международной арене³⁰. Еще больший интерес представляют ответы тех, кто недоволен внешней политикой Путина. Кроме тех, кто связал свое недовольство с внутренней ситуацией, наиболее многочисленную группу представляют те, кто считает, что Россия на международной арене недостаточно активна, ведет себя «недостаточно жестко», «подстраивается под Запад», «делает слишком много уступок» и т. п. Число обеспокоенных ухудшением отношений с другими странами значительно меньше³¹. Это означает, что в отношении внешней политики общественное мнение не только поддерживало линию Путина на особый, независимый от Запада курс, но и считало его слишком мягким. Мнение политической

элиты, связанной с Западом, в этой сфере менее конфронтационно, чем общества в целом, и при желании руководство страны без ущерба для своей популярности могло бы проводить и более жесткий курс, но при этом не доводя дело до военных конфликтов.

Данные опроса, проведенного ФОМ в 2008-м, свидетельствуют о том, что из всех положительных изменений, происшедших за годы президентства Путина, «рост авторитета России на международной арене» и «хорошая внешняя политика», с точки зрения россиян, занимают второе место, уступая лишь росту зарплат, пенсий, пособий и повышению уровня жизни³². Это также говорит о популярности нынешнего внешнеполитического курса, которая, вероятно, сохранится, если он и далее будет восприниматься большинством населения как сбалансированный, способствующий росту авторитета России в мире и благосостоянию ее населения. В противном случае (например, при снижении

Таблица 9

«ПО КАКОМУ ИСТОРИЧЕСКОМУ ПУТИ ДОЛЖНА ИДТИ РОССИЯ?». АПРЕЛЬ 2000 Г. (В % ОТ ЧИСЛА ОПРОШЕННЫХ).	
Варианты ответа	Доля опрошенных
По общему для современного мира пути европейской цивилизации	15
Вернуться на путь, которым двигался Советский Союз	18
Идти по собственному, особому пути	60
Затрудняюсь ответить	7
<i>Источник:</i> Левада Ю. От мнений к пониманию. С. 546.	

уровня жизни) он может подвергнуться критике так же, как до него прозападный курс Козырева.

Российский политический идеал и будущее нынешнего режима

После того, как бурный всплеск «демократических» настроений конца 1980-х — начала 1990-х годов в российской политике сменился тенденцией к авторитаризму, многие стали задавать вопрос о причинах таких изменений. Некоторые исследователи видели причину в возвращении к традиционной российской политической культуре петровских, если не допетровских времен³³. Другие утверждали, что «сам опыт перехода

считывалась большинством россиян не как самоцель, а как средство достижения вышеописанного политического идеала. Когда выяснилось, что демократизация в ее ельцинском варианте не только не способствует, но и даже противоречит этому идеалу, симпатии населения, естественно, сдвинулись в сторону тех политиков, которые, с его точки зрения, больше такому идеалу соответствуют. На конец 1990-х годов ими оказались сторонники автократии. И россияне будут симпатизировать последним до тех пор, пока не будут ими разочарованы.

Что касается самого политического идеала, то его вряд ли стоит связывать с давними временами по ряду причин. Во-первых,

“Из всех положительных изменений, происшедших при Путине, «хорошая внешняя политика», с точки зрения россиян, занимает второе место”.

переориентировал общественное мнение от утопических ожиданий относительно рынка и демократии, характерных для периода распада старой системы, к более информированному и, безусловно, более осторожному взгляду на мир»³⁴.

Результаты данного исследования позволяют сделать вывод, не совпадающий ни с одной из этих двух точек зрения. Безрадостный опыт 1990-х действительно в чем-то изменил отношение россиян к российской разновидности «демократов» и «демократии», то есть к ельцинской элите и ее идеологии. Но эти изменения были достаточно поверхностными, выразившись в разочаровании конкретными лидерами и их лозунгами, в самом термине «демократия», а также в некотором (далеко не полном) охлаждении к ряду демократических ценностей. Кроме того, разочарование затронуло и собственно политическую активность. В то же время демократия с самого начала рас-

политическая культура России до 1917-го исследована крайне слабо. Имеющиеся работы свидетельствуют о том, что в отдельные периоды (в частности, в самом начале XX столетия) по уровню демократизации Россия была не только не позади, но и впереди ряда европейских государств, в которых ныне процветают демократические режимы (о многих государствах Азии не стоит даже и говорить)³⁵. Поэтому объяснять сегодняшний российский авторитаризм отсутствием или слабостью демократических традиций вряд ли обоснованно. Во-вторых, произошел не возврат к идеалу, а, возможно, первая в истории его реализация на практике. Ведь никогда ранее ни в царский, ни в советский периоды население не могло напрямую реализовать свой идеал, так как правящий класс был оторван от населения, а высшая власть не избиралась. В этом еще одна ошибка сторонников теории возвращения к старому, связывающих формы власти в царской и

Таблица 10

«СОГЛАСНЫ ЛИ ВЫ С ТЕМ, ЧТО РОССИЯ ВСЕГДА ВЫЗЫВАЛА У ДРУГИХ ГОСУДАРСТВ ВРАЖДЕБНЫЕ ЧУВСТВА, НАМ НИКТО НЕ ЖЕЛАЕТ ДОБРА?» (В % ОТ ЧИСЛА ОПРОШЕННЫХ)		
Варианты ответа	1994 г.	2000 г.
Согласен	42	66
Не согласен	38	27
Затрудняюсь ответить	20	7

Источник: Левада Ю. От мнений к пониманию. С. 546.

советской России с политической культурой масс, а не элиты. Лишь избрав Ельцина, а затем, осознав свою ошибку и сделав своим кумиром Путина, большинство россиян выразили свои истинные политические предпочтения.

В работе, посвященной политической субкультуре членов демократических групп последних лет существования СССР, автор настоящего исследования пришел к выводу, что ее непосредственным источником была политическая культура советского периода³⁶. Изучение политического идеала постсоветского общества позволяет сделать тот же вывод: его непосредственным источником является реальный политический идеал советского общества, сложившийся еще в сталинское время. Связь этого идеала с политическими идеалами более ранних периодов существования СССР и России пока еще не исследована. Однако изучение его связи с политическим идеалом советского времени позволяет утверждать, что он демонстрирует большую устойчивость, чем, например, политическая субкультура членов российских демократических групп. Это и неудивительно: представления общества в целом должны меняться гораздо медленнее, чем представления той его части, которая является двигателем перемен (участники демократического движения).

Конечно, этот устойчивый идеал был подвержен некоторым влияниям и изменениям. Опросы общественного мнения зафиксировали рост популярности демократических

лозунгов и связанных с демократией понятий (права человека, разделение властей, правовое государство и т. п.) в период горбачевских реформ — тогда их стала поддерживать большая, чем в прошлом, часть населения. Однако опросы не выявили специфику этой популярности, а именно тот факт, что она была вызвана восприятием демократии не как цели общественного развития, а как инструмента реализации более фундаментального и важного политического идеала, кратчайшего пути к нему.

Разочарование, вызванное итогами ельцинских реформ, которые осуществлялись под лозунгами демократии, привело к широко распространенной апатии и представлению о том, что проповедуемый Западом либерализм — это неверный путь. Сохраняя фундаментальный политический идеал, россияне стали с большим вниманием относиться к рекламируемым различными политическими силами альтернативным путям, которые могли бы к нему привести. Они пришли к выводу, что этот путь должен быть более упорядоченным. Назначив Путина своим преемником, Ельцин продемонстрировал, что он, возможно, и сам придерживался такого мнения (хотя он, конечно, и не мог предвидеть, как далеко зайдет его протее в восстановлении «порядка»). Таким образом, в отличие от некоторых государств Латинской Америки, новый авторитарный режим в России возник как реакция не на неэффективный популизм

или элитизм традиционной олигархии, а на провалившуюся попытку провести ускоренную демократизацию и на монетаристские реформы по рецептам Чикагской школы в стране, население которой стремилось к совершенно иному идеалу общества.

Следовательно, тезис, гласящий, будто Кремль изменил систему выборов и уничтожил многопартийную систему и больше никто, кроме него, не несет за это ответственность, кажется упрощенным³⁷. Многопартийность никогда не пользовалась в России широкой общественной поддержкой, более того, в глазах большинства она стала одним из самых негативно воспринимаемых элементов неудачных реформ 1990-х годов. В результате возникла ситуация взаимной зависимости. Авторитарный режим возник во многом благодаря общественной апатии и разочарованию в политике и политиках ельцинского времени. В то же время последовательная ликвидация режимом практически всех ниш независимой общественной активности и нарождавшихся институтов гражданского общества (пусть даже в несовершенных формах ельцинского времени), росту централизации и бюрократизации управления привели к еще большему усилению апатии и разочарованию в публичной деятельности. В целом население, разочарованное в политике 1990-х, поддержало мягкий авторитаризм, выдаваемый за особую, российскую демократию, так как, по мнению большинства, он достиг внушительных успехов и способен на еще большее в будущем. Таким образом, не Путин создал авторитарный режим в России, а постсоветская политическая культура и неудачные реформы привели к власти Путина с его программой.

Каковы же перспективы развития политической ситуации в России в свете рассмотренного здесь постсоветского политического идеала? Угроза нынешнему режиму

может возникнуть в том случае, если его политика будет слишком резко этому идеалу противоречить. В этой ситуации, почувствовав неудовлетворенность, население может начать более активно протестовать. Это возможно в нескольких обстоятельствах:

1. Социальная ориентация, провозглашенная режимом, останется на словах, в реальности же будет проводиться «либеральный» экономический курс, который приведет к еще большему разрыву между богатыми и бедными и к недовольству широких слоев населения своим положением. Волнения, связанные с законом о монетизации льгот, свидетельствуют о принципиальной возможности такого пути. В то же время в условиях сохранения высоких цен на нефть, дающих российскому руководству значительные средства для поддержания спокойствия среди населения, такой путь в обозримом будущем представляется маловероятным.

2. Социальная направленность перерастет в огосударствление слишком большой части экономики и в растрату значительной доли государственного богатства на бессмысленные проекты. Это приведет к инфляции, закрытию экономики от внешнего мира, поддержанию неэффективных производств и т. п. (политика советского образца). Как показывает скандал, вызванный интервью Олега Шварцмана³⁸, влияние сил, выступающих за «бархатную реприватизацию», в правящих кругах довольно велико. В то же время очевидно, что ни Путин, ни Медведев не поддерживают возвращение к советской модели. Политика Путина по расширению влияния государственных корпораций в ряде чувствительных областей (военная промышленность, энергетика, авиастроение и т. п.) пока не выходила за рамки общественного идеала. В целом полное огосударствление экономики представляется маловероятным, хотя борьба по этому вопросу и будет продолжаться.

3. В политической области ограничение некоторых прав пойдет слишком далеко. Например, укрепление у власти представителей спецслужб приведет к тотальному росту шпиономании, закрытию многих общественных организаций, в том числе выдающих гранты на научную деятельность и образование, прекращению свободного выезда из страны и т. п. Устрожение правил деятельности НПО и события вокруг Британского совета показывают, что сторонники жесткой линии в руководстве обладают значительным влиянием. В то же время им будет противо-

дел, достижениями или провалами политики властей. Рост благосостояния россиян при Путине объективно способствовал как более высокой оценке существующего положения, так и росту ожиданий⁴⁰. Однако на фоне разочарования прошлым (в особенности ельцинским периодом) россияне благосклонно смотрели даже на скромные результаты деятельности властей и положительно оценивали их не за реальные достижения, а руководствуясь уверенностью, что в будущем режим сможет добиться большего. Это не то чтобы увеличивало, а скорее сокращало разрыв с

“Ликвидация практически всех ниш независимой общественной активности привела к еще большему усилению апатии и разочарованию в публичной деятельности”.

стоять лобби чиновников и предпринимателей, интересы которых связаны с сотрудничеством с Европой, где у них и их родственников находится собственность, а также принципиальные противники авторитаризма. Исход борьбы между данными группами не ясен, однако признаков окончательной победы жесткого антизападного курса пока нет. Скорее всего, в будущем нужно ожидать определенного балансирования между этими двумя линиями.

4. Падение цен на энергоносители приведет к тому, что режим не сможет удовлетворять растущие социальные потребности населения³⁹. Такой путь в принципе возможен. Именно неспособность советского руководства удовлетворять растущие материальные потребности населения привела к краху коммунистического режима в России. Правда, падение цен на энергоносители в обозримом будущем маловероятно.

Недовольство любым режимом, как известно, растет по мере увеличения разрыва между ожиданиями населения и субъективно воспринимаемыми реальным положением

субъективно воспринимаемой реальностью. В то же время такое отношение к руководству вряд ли может продолжаться бесконечно, так как недовольство ельцинским периодом будет постепенно забываться.

История показывает, что любое правительство, даже успешное, рано или поздно теряет популярность. Население начинает думать, что новые люди смогут справиться с проблемами страны лучше. Ошибки и неудачи, от которых никто не застрахован, способствуют росту недовольства. Растущее благосостояние россиян, привычка к владению собственностью, интенсификация зарубежных контактов, благодаря которым все больше людей узнают, как делаются дела в демократических государствах и что отношение там к России значительно отличается от телевизионной пропаганды на родине, — все эти факторы будут подталкивать быстрый рост ожиданий. В то же время оценка реальности будет постепенно снижаться. Возникающий разрыв между ожиданиями и субъективно воспринимаемой реальностью будет вести к усилению недовольства и тре-

бованиям перемен. Рост частной собственности, более глубокое знакомство с зарубежным опытом, недовольство собственным бесправным положением будут приводить к пониманию гражданами полезности реально независимого суда, разделения властей, верховенства закона, что, в свою очередь, вызовет потребность в расширении политических свобод. Ухудшение экономического положения, которое время от времени происходит везде, может подхлестнуть требования перемен. Если в момент обострения недовольства существующая избирательная система не допустит мягкой смены руководства по результатам выборов, недовольство может вылиться на улицы. Однако о конкретных сроках и формах подобного развития событий говорить трудно. Это могут быть и несколько лет, и одно-два десятилетия. Для общественного развития было бы весьма желательно, чтобы к тому времени в России был создан механизм мягкой и законной передачи власти оппозиционным силам. В противном случае стране будет грозить новая волна политической нестабильности, крайне нежелательной по двум причинам: во-первых, нестабильность деструктивна сама по себе, во-вторых, она бесполезна в смысле фундаментального изменения режима.

Режим, сложившийся в России при Путине, коренным образом отличается от предыдущих царского и коммунистического именно тем, что он в гораздо большей степени соответствует политическому идеалу и политической культуре большинства россиян. Прежние режимы были идеологическими. Идеология и политическая субкультура элиты значительно отличались от культуры широких слоев населения, и насильственное свержение или отстранение от власти правящей элиты могло изменить характер режима (как это и случилось в 1917 и в 1991 годах). Нынешний российский режим не

идеологичен: установки элиты в основном разделяются населением. Нет носителей принципиально иной идеологии и среди оппозиционных групп. И если даже насильственным путем отстранить от власти конкретную правящую группу, любая другая пришедшая ей на смену будет проводить приблизительно ту же политику с небольшими вариациями. Поэтому «оранжевая» или любая иная революция в современной России столь же бессмысленна, как и в других постсоветских государствах.

Известные российские мыслители Иван Ильин и Александр Солженицын десятки лет назад предупреждали, что выход из тоталитаризма, убивающего всякую инициативу, возможен только через авторитаризм, дающий некоторые ограниченные возможности⁴¹. Сходные мысли высказывал в 1951-м, вероятно, лучший американский специалист по СССР Джордж Кеннан⁴². Несмотря на эти предупреждения, в конце 1980-х — начале 1990-х в России все же был проведен эксперимент по немедленному преобразованию тоталитаризма в демократическую систему западного типа. Результатом стал распад Советского Союза, десятки тысяч жертв вооруженных конфликтов, десятилетний экономический спад, а Россия, со значительно уменьшенной территорией и населением, все равно пришла к авторитаризму.

Авторитарный режим стал результатом выбора россиян в эпоху относительно свободного электорального процесса ельцинского и раннепутинского периодов: даже если официальные итоги президентских выборов 2000 и 2004 годов не с абсолютной точностью отражают их истинные результаты, убедительную победу Путина вряд ли можно поставить под сомнение. Выбор большинства населения выразался частично в поддержке политики Путина, частично в пассивном согласии и отсутствии противодействия ему. Только

перемены в российской политической культуре могут принципиально изменить характер этого режима. Однако подобные изменения не происходят быстро. Активная политика

властей могла бы сыграть в этом позитивную роль, но в период президентства Путина власти по большей части действовали в противоположном направлении. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ В данной работе развивается концепция устойчивого российского политического идеала, впервые сформулированная в статье: *Лукин А.* Выборы и наши политические представления: В поисках соответствия идеалу // Независимая газета. 15.03.1996. С. 5.

² *Inkeles A., Bauer R.* The Soviet Citizen: Daily Life in a Totalitarian Society. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1959.

³ *Ibid.* P. 248–249.

⁴ *Ibid.* P. 246–247.

⁵ *Ibid.*

⁶ *Ibid.* P. 238.

⁷ *Politics, Work, and Daily Life in the USSR: A Survey of Former Soviet Citizens* / J. R. Millar (ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987.

⁸ *Ibid.* P. 111–112.

⁹ *Ibid.* P. 113–114.

¹⁰ *Ibid.* P. 106–108.

¹¹ См., напр.: *White S.* Political Culture and Soviet Politics. L.: Macmillan, 1979.

¹² *Ibid.* P. 116–133.

¹³ К аналогичным выводам в 1970 году пришел социолог-диссидент Андрей Амальрик в известной работе «Доживет ли СССР до 1984 года?».

¹⁴ *Амальрик А.А.* Просуществовать ли Советский Союз до 1984 года? Амстердам: Фонд им. Герцена, 1970. С. 14–15.

¹⁵ Там же. С. 14.

¹⁶ *Gibson J. L., Duch R. M.* Emerging Democratic Values in Soviet Political Culture // The New Soviet Citizen: Public Opinion and Political Transformation in the Gorbachev Era / A. Miller, W. Reisinger, V. Heslie (eds). Boulder, CO: Westview, 1992. P. 87–88.

¹⁷ *Ibid.*

¹⁸ *Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х годов* / Под ред. Ю.А. Левады. М., 1993. С. 46.

¹⁹ Известия. 28.11.1991. Цит. по: *Созрин В.В.* Политическая история современной России,

1985–2001: От Горбачёва до Путина. М.: ИНФРА-М, 2001. С. 115.

²⁰ См.: *Ясин Е.Г.* Российская экономика: Истоки и панорама рыночных реформ. М., 2002. С. 417–420.

²¹ См.: *Левада Ю.А.* От мнений к пониманию: Социологические очерки: 1993–2000. М.: Москва школа полит. исследований, 2000. С. 394.

²² Там же. С. 454–455.

²³ Там же. С. 335.

²⁴ См.: Левада-центр, <http://www.levada.ru/press/2004092702.html>; <http://www.levada.ru/press/2007040901.html>

²⁵ *Rose R.* Is Russia Becoming a Normal Society // Demokratizatsiya. Winter 2008 (http://findarticles.com/p/articles/mi_qa3996/is_200801/ai_n25138435/pg_1?tag=artBody;coll).

²⁶ См., напр.: *Деягин М.Г.* Россия после Путина: Неизбежна ли в России «оранжево-зеленая» революция. М.: Вече, 2005. С. 49.

²⁷ В. Путин: итоги президентства: Опрос населения. ФОМ. 30.04.2008. <http://bd.fom.ru/report/map/d081721>.

²⁸ *Rose R.* New Russia Barometer XIII: Putin's Re-Election. Centre for the Study of Public Policy Univ. of Strathclyde, 2004. P. 8–9.

²⁹ Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения // Информационный бюллетень ВЦИОМ. № 6. С. 14.

³⁰ Внешняя политика России: Опрос населения. ФОМ. 05.10.2006 (<http://bd.fom.ru/report/map/dd063924#d063915>).

³¹ Там же.

³² В. Путин: итоги президентства. ФОМ.

³³ *Pipes R.* Flight From Freedom: What Russians Think and Want // Foreign Affairs. May/June 2004.

³⁴ *Whitefield S., Evans G.* The Russian Election of 1993: Public Opinion and the Transition Experience // Post-Soviet Affairs. 1994. Vol. 10. Jan.–Mar. P. 58.

³⁵ См.: *Lukin A., Lukin P.* Myths about Russian Political Culture and the Study of Russian History

// Political Culture and Post-Communism / S. Whitefield (ed.). Basingstoke, UK: Palgrave-Macmillan, 2005. P. 15–41.

³⁶ *Лукин А.В.* Невежество против несправедливости: Политическая культура российских «демократов». М.: Научная книга, 2005.

³⁷ См., напр.: *Kuno A., Myagkov M., Sitnikov A., Shakin D.* Putin's Party of Power and the Declining Power of Parties in Russia. L.: The Foreign Policy Centre. Apr. 2005, <http://fpc.org.uk/fsblob/436.pdf>

³⁸ *Шварцман О.* Партию для нас олицетворяет силовой блок, который возглавляет Игорь Иванович Сечин // *Коммерсантъ*. 30.11.2007.

³⁹ На сегодня нефтяные деньги не тратятся напрямую на социальные нужды. Они аккумулируются в Стабфонде и из него идут на различные проекты через Инвестиционный фонд России;

отдельная сумма была выделена госкорпорации на разработку нанотехнологий. За счет Стабфонда выплачивается иностранный долг. Это освобождает средства бюджета для других нужд. См.: <http://www.rg.ru/2007/12/11/budzh-et-anons.html>. Кроме того, рост цен на энергоносители влечет за собой общий экономический рост, что увеличивает поступления в бюджет.

⁴⁰ *Роуз Р.* Становится ли Россия «нормальным обществом»? // <http://www.polit.ru/research/2008/07/07/rose.html>

⁴¹ См.: *Ильин И.А.* О грядущей России: Избранные статьи. М.: Воениздат, 1993; *Солженицын А.И.* Публицистика. Ярославль: Верх.-Волжское. изд-во. Т. 2. 1996. С. 175.

⁴² *Дж. Ф. Кеннан.* Америка и русское будущее // *Новая и новейшая история*. 2001. № 3.